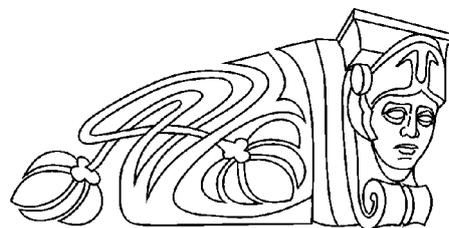

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 473–482
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 473–482
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-473-482>, EDN: GLFWZT

Научная статья
УДК 94(410.1)|13/14|

Интеллектуальное пространство позднесредневекового Лондона

Л. Н. Чернова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Чернова Лариса Николаевна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, larisachernova@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-5379-1470>, AuthorID: 472830

Аннотация. В статье рассматриваются различные элементы интеллектуального ландшафта Лондона XIV–XV вв., которые создавали и распространяли знания разного уровня. Показано, что в городе сложились благоприятные условия для реализации горожанами потребности в обучении грамоте не только на латыни и французском языке, но и на английском. Социальный запрос богатых купцов и ремесленных мастеров на получение светских, практикоориентированных знаний и навыков привел к появлению как новых лицензированных грамматических и певческих школ, так и все большему количеству неофициальных школ. Непосредственное участие в их создании и содержании, в материальной поддержке учителей принимали преуспевающие купцы, «отцы города». Горожане были заинтересованы и в привлечении в Лондон высокообразованных мужей – теологов, проповедников – из Оксфорда и Кембриджа, которые существенно дополняли интеллектуальное пространство города. Лондонцы реализовывали и одновременно воспитывали свои интеллектуальные запросы благодаря присутствию в городе известных авторов XIV–XV вв., а также наличию рукописей и книг в лавках книготорговцев, в различных библиотеках – монастырей и приходских церквей, публичных и располагавшихся в домах богатых купцов.
Ключевые слова: позднесредневековый Лондон, купечество, ремесленные мастера, развитие образования, лицензированные школы, неформальные школы, интеллектуальное влияние церкви, библиотеки, книготорговля, круг чтения горожан

Для цитирования: Чернова Л. Н. Интеллектуальное пространство позднесредневекового Лондона // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 473–482. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-473-482>, EDN: GLFWZT

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Intellectual landscape of Late Medieval London

L. N. Chernova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Larisa N. Chernova, larisachernova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5379-1470>, AuthorID: 472830

Abstract. The article examines various elements of the intellectual landscape of London in the XIV–XV centuries, which created and disseminated knowledge of different levels. It is shown that the city has favorable conditions for the realization by citizens of the need to teach literacy not only in Latin and French, but also in English. The social demand of wealthy merchants and artisan masters for secular, practice-oriented knowledge and skills has led to the emergence of new licensed grammar and singing schools, as well as an increasing number of informal schools. Successful merchants, the “fathers of the city”, took a direct part in their creation and maintenance, and in the financial support of teachers. The citizens were also interested in attracting highly educated men – theologians, preachers – from Oxford and Cambridge to London, who significantly complemented the intellectual landscape of the city. Londoners realized and at the same time nurtured their intellectual demands due to the presence of famous authors of the XIV–XV centuries in the city, as well as the presence of manuscripts and books in booksellers’ shops, in various libraries – not only in monasteries and parish churches, but also in “public libraries” and located in the homes of rich merchants.

Keywords: Late Medieval London, merchants, artisans, educational development, licensed schools, informal schools, intellectual influence of the church, libraries, bookselling, reading circle of citizens

For citation: Chernova L. N. Intellectual landscape of Late Medieval London. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 473–482 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-473-482>, EDN: GLFWZT

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Западноевропейский средневековый город – явление многофункциональное: это не просто тип поселения с особой топографией, в котором сосредоточены товарообмен и товарное производство, институты власти, культа, но и специфичный образ жизни, основанный на предприимчивости, практичности, рациональности, своя культура и интеллектуальная атмосфера [1, с. 9]. Именно в городах произошел стремительный рост числа образованных людей, имевший своими следствиями формирование специфической социальной среды, способной обеспечить необходимые условия для развития интеллектуальной культуры, и профессионализацию, растущее разделение труда, специализацию областей знания [2, с. 223].

В рассматриваемый период в Лондоне, как и во всем королевстве, сложились условия, наиболее благоприятные для развития образования и реализации интеллектуальных запросов горожан. Сохраняли свое значение факторы, в целом определявшие появление городских школ и распространение знаний. Возрос круг умственных потребностей и интересов горожан – купцов, финансистов, ремесленных мастеров, усилилось их стремление к светским, более широким и практикоориентированным знаниям. Востребованными в деловой среде качествами стали предусмотрительность, способность к анализу, коммерческая активность и энергия, умение концентрировать волю и знания, ориентироваться в сложной ситуации и находить эффективное решение, желание учиться на чужом и своем опыте. Примечательно, что лондонские купцы XIV–XV вв. стремились дать своим детям, прежде всего сыновьям – продолжателям их дела, соответствующее условиям времени образование. Так, Николас Пикот, скончавшийся в 1312 г., торговец шелковыми и бархатными тканями (мерсер), олдермен Лондона в 1298–1312 гг., шериф в 1307–1308 гг., городской казначей в 1300–1304 гг., аудитор в 1310 г. [3, р. 105, 107], понимая всю важность для купеческих отпрысков умения читать, писать и считать, в своем завещании, что его «сыновья Николас и Джон должны учиться и посещать школу для получения элементарных знаний» [4, р. 233–234]. Джон Пайел, тоже мерсер, избравшийся олдерменом в 1369–1382 гг., шерифом в 1370–1371 гг., мэром Лондона в 1372–1373 гг. [3, р. 389], решил не только обеспечить хорошее образование собственным детям, но и предпринял немалые усилия к тому, чтобы основать колледж в его родном Итлинбороу (графство Нортхемптон), где могли бы обучаться местные детишки. Сам Джон, видимо, получил начальное, но весьма добротное образование: немаловажный штрих – грамоты и акты его картулярия написаны на латинском и французском языках [5, с. 35]. Еще один лондонский купец Уильям Янг, умерший в 1389 г., хотел, чтобы его сыновья были обучены

грамматике и хорошим нравам: старший должен был 7 лет изучать юриспруденцию, а младший мог выбрать – поступить в университет Оксфорда или изучать торговое дело [6, р. 272]. Фактически Янг рассматривал образование как инструмент, обеспечивающий доступ к юриспруденции, университету или деловому миру, а в конечном счете способствовавший личностному росту.

Обратим внимание и на другие важные обстоятельства, делавшие востребованным образование и во многом определявшие интеллектуальные запросы горожан, особенно с последней четверти XIV–XV в. Очевидно, возростал спрос на преподавание не только латыни, но и английского языка. К. Бэррон подметила, что после «Черной смерти» при сокращении численности людей (в Лондоне число людских потерь устанавливается в пределах 40–50% [цит. по: 7, с. 461]) благосостояние на душу населения заметно выросло: у многих оказались дополнительные средства, которые можно было потратить, в том числе на образование [8, р. 451]. Произошла нового рода языковая «демократизация», когда навыки чтения и письма продвигались все ниже по социальной лестнице и достигали уровней, где английский был единственным известным языком. Последняя четверть XIV в. ознаменовалась «триумфом английского языка» [8, р. 451], что способствовало более широкому его использованию в качестве средства письменного общения. В течение XV в. к английскому языку не только в Лондоне все чаще прибегали как при осуществлении деловых операций и ведении документации, так и в поэзии, при написании религиозных трактатов, в частной переписке.

Первые прокламации лондонского мэра, написанные на Old English, были обнаружены в 1383 г. [9, р. 480–482], а первое сохранившееся завещание на английском языке составлено в 1389 г. [10, р. 209–210]. Весьма показательный факт связан с одним из решений парламента, в 1388 г. заседавшего в Кембридже. Парламентарии предписали всем корпорациям письменно ответить на вопросы, касавшиеся их организации, целей и средств. Откликнулись 36 лондонских гильдий: 13 ответов были на латыни, 15 – на французском языке и 10 – на английском [10, р. 139]. К 1422 г. преуспевающие пивовары Лондона постановили вести свои записи исключительно на английском языке, поскольку латынью и французским они «не владели должным образом: так, чтобы их можно было понять» [10, р. 139].

Трудно оценить, насколько широко были распространены навыки чтения и письма среди населения Лондона в целом. В церковных судах середины XV в. было принято называть свидетелей грамотными или нет исходя из их способности читать (если не толковать) по-латыни. Из 116 свидетелей мужского пола,

представших перед лондонским церковным судом в 1467–1476 гг., 48 (т. е. 40%) были признаны грамотными (*literates*) [8, р. 469]. Как отметила С. Трапп, если 40% лондонцев мужского пола того периода умели читать по-латыни, то очевидно, что гораздо больше читали по-английски [11, р. 158]. Видимо, к середине XV в. большинство представителей купеческой элиты говорили, читали и писали на английском языке.

Необходимость уметь читать и писать по-английски, наряду с латынью и французским языком, уже с XIV в. породила растущий спрос на образование, причем как для мальчиков, так и для девочек. В «Статуте о рабочих и учениках» 1406 г. указывалось, что «каждый мужчина или женщина, какого бы сословия или состояния они ни были, вольны отдать своего сына или дочь учиться в любую школу» [12, р. 387]. Определился и повышенный спрос не только на преподававших латынь учителей грамматических школ и обучавших навыкам составления документов на латыни и французском языке клерков (писцов), но и учителей английского языка.

В Лондоне получение образования было особенно актуальным вследствие причин, на которые обратила внимание К. Бэррон. Во-первых, это близость королевского двора (Вестминстер) и значимость столицы для монаршей власти, благодаря чему именно в Лондоне часто обнародовались законы и распоряжения властей (официальные постановления короля и / или мэра), на специальных досках при входе в Гилдхолл вывешивались списки с именами нарушителей городских постановлений. Естественно, такие меры были эффективны только в том случае, если лондонцы умели читать. Во-вторых, в Лондоне доступ к обучению, особенно в престижных купеческих компаниях, зависел от умения читать и писать, и не обязательно на латыни или французском, но и на английском языке [8, р. 452]. Не случайно некий сэр Джон Дипден из Йоркшира в 1402 г. оставил 20 фунтов сыну одного из своих арендаторов. Предполагалось, что, когда мальчик научится читать и писать, его отправят в Лондон учиться ремеслу торговца рыбой, бакалейщика или мерсера [8, р. 452; 13, р. 242]. Кроме того, навыки чтения и письма приобретались в ходе прохождения ученичества, что подтверждают источники. В частности, в 1415 г. Джон Холланд, прибывший в столицу из Норфолка, подал жалобу мэру Лондона на нарушение условий договора со стороны его мастера-цирюльника, у которого он был учеником. Джон сетовал на то, что мастер настолько беден, что не может ни прокормить, ни одеть его, ни оставить в школе, пока он не научится читать и писать, как было прописано в договоре [13, р. 41]. В середине XV в. лондонский галантерейщик включил в договор отдельный пункт о том, что его ученик должен научиться читать и писать, пока проходит у него

обучение [11, р. 158]. Особенно показательна жалоба ювелиров, в 1469 г. сокрушавшихся, что мастера компании берут абсолютно неграмотных учеников, не умеющих ни читать, ни писать: «Такая практика наносит ущерб не только братству, но и мастеру... и самим ученикам, поскольку неразумно ожидать, что неграмотный ребенок или взрослый мужчина только благодаря уму и наблюдательности будут обладать таким же пониманием [ремесла], как ребенок или взрослый мужчина, обладающие практическим опытом и умеющие читать» [14, р. 261]. Далее ювелиры ссылаются на вред, который наносят их компании неграмотные ученики, и приводят весьма убедительные доводы: «...Недостаток грамотности приводит к тому, что члены братства ежедневно прибегают к помощи грамотных людей за его [братства] пределами или же нанимают посторонних слуг для выполнения за них работы, требующей навыков письма, в результате чего секреты братства передаются незнакомым людям, что подвергает опасности компанию. Кроме того, из-за отсутствия грамотности члены этого братства не пользуются уважением торговцев города Лондона... как грамотные люди из других братств города, что сильно дискредитирует это братство» [14, р. 261–262]. Таким образом, умение читать и писать напрямую увязывалось с престижем компании, а следовательно, с ее благополучием и процветанием. К XV в. предполагалось, что сыновья и дочери лондонских горожан (возможно, каждый третий взрослый мужчина в Лондоне [8, р. 453]) и те, кто прибывал в город из других мест, либо уже умеют читать и писать, чтобы стать учениками, либо приобретут эти навыки в процессе прохождения ученичества.

Лондон живо откликался на неуклонно возрастающий спрос на знания. Здесь действовало несколько соборных (кафедральных) грамматических школ для мальчиков, в учебной программе которых почти единственным предметом была латынь. Еще в конце XII в. У. Фиц-Стефен, секретарь и доверенное лицо архиепископа Кентерберийского Фомы Бекета, отмечал, что «в трех главных церквах города [собор св. Павла, церкви св. Троицы и св. Мартина] были школы, основанные на древних привилегиях и столь же древнего достоинства» [15, р. 55]. Автор замечает, что «... благодаря поддержке ряда ученых мужей, завоевавших известность в изучении философии, там есть и другие лицензированные школы» [15, р. 55], и довольно подробно описывает школьные реалии Лондона. Известно, что право назначения учителя грамматической школы св. Павла, который должен иметь степень магистра искусств, принадлежало канцлеру собора [16].

Грамматические школы в самых известных церквах Лондона (собор св. Павла, церкви св. Троицы, св. Марии на Холмах и св. Мартина ле Гранда) не были счастливым исключением.

В Вестминстерском аббатстве с XIV в. действовала не только грамматическая, но и певческая школа, где мальчики получали образование на латыни и английском языке, достаточное для того, чтобы петь на богослужениях и соблюдать церковные обряды. По оценке Б. Харви, к 1530-м гг. в певческой школе аббатства обучались 6 мальчиков, в грамматической – около 30 [17, р. 214–215]. Дж. Россер обратил внимание на то, что далеко не все из этих учеников были предназначены для церковной жизни, а школьными учителями здесь с конца XIV в. были женатые мужчины [18, р. 207–209]. Известны также певческие школы при приорате св. Марии и соборе св. Павла.

На протяжении XV столетия в Лондоне появились новые певческие школы: в госпитале св. Антония (1441 г.), часовне Гилдхолла (к 1479 г.), церквах св. Марии Уолнот (1492 г.), св. Марии на Холмах и св. Данстана в Исте [8, р. 453]. Мерсер Генри Фроуик, олддермен 1424–1453 гг., дважды мэр Лондона (1435–1436, 1444–1445 гг.) [19, р. 7], по завещанию от 1453 г. оставил деньги на содержание и обучение двух певчих в госпитале св. Томаса: «...мальчиков необходимо выбрать за их хороший характер и голос, и ни по какой другой причине. Один из них должен быть известен как “певчий Фроуика”, другой – как “певчий Оливера”» [20, р. 542]. Имеется в виду Уильям Оливер, лондонский мерсер, в начале 1420-х гг. завещавший средства на содержание «певчего Оливера» в церкви св. Томаса, чтобы он «ежедневно посещал различные религиозные службы в указанной церкви» [20, р. 460].

Однако большинство лондонских детей обучались чтению и письму не в официальных певческих и тем более не в грамматических школах, а в неофициальных элементарных (начальных) школах. Учителями в них были священники часовен и приходские клирики, которые получали возможность подработать (уже в XII в. плата за труд признавалась естественным и законным доходом интеллектуала [2, с. 233]), занимаясь преподаванием основ латинского письма и чтения, а также писцы, которые могли научить мальчиков и девочек читать и писать по-английски и по-французски. В частности, 12-летний мальчик, посещавший школу лондонского писца Уильяма Кингсмилла, умел «писать и считать», а также немного говорить по-французски [11, р. 159]. Некоторые из этих школ предназначались исключительно для девочек: не случайно бакалейщик Уильям Крессвик в 1406 г. завещал 20 шиллингов «школьной учительнице» [20, р. 371]. Как учительницы, так и школьные учителя-мужчины обучали девочек навыкам, необходимым им для ведения коммерческих дел, бухгалтерии, проверки купчих, исполнения обязанностей душеприказчиц, для того чтобы справляться с корреспонденцией, в будущем трудиться бок о бок со своими мужьями или самостоятельно вести дела, если они решат торговать в качестве

femmes soles во время замужества или в качестве вдов.

Такие школы и учителя, широко представленные в Лондоне, не имели официального статуса, поскольку не были лицензированы ни светскими, ни церковными властями. Но совершенно очевидно, что в городе имел место растущий спрос на образование, и были те, кто готов и способен удовлетворять его и таким образом зарабатывать себе на жизнь.

Уже к концу XIV в. был брошен вызов и монополии на преподавание в трех главных грамматических школах Лондона. К 1391 г. учителя школ св. Павла, св. Марии на Холмах и св. Мартина ле Гранда вынуждены были выступить против «неизвестных и неквалифицированных учителей грамматики», которые содержали в Лондоне «школы грамматики» для «обмана» детей [21, р. 324]. Хотя неквалифицированные мастера-учителя не были названы поименно, некоторые возможные «нарушители» упоминаются в опубликованных материалах городских архивов. Примерно в это время Ричард Экстон содержал грамматическую школу «рядом с домом монахов ордена Святого Креста» в юго-восточной части города, а в 1393 г. некий бакалейщик задолжал «школьному мастеру» Генри Дрейперу 3 шиллинга [21, р. 214].

В источниках сохранилась информация о некоторых лондонских учителях грамматических школ. Одним из них был Джон Сьюард, известный «школьный мастер», который к 1404 г. (и вплоть до своей смерти в 1435 г.) жил и работал в приходе св. Петра в Корнхилле [8, р. 455]. Сьюард был женатым мирянином (его избранницей стала дочь лондонского бакалейщика), преподававшим латынь, читавшим и сочинявшим стихи на латыни, писавшим письма, адресованные группе учителей – мирян и клириков [22, р. 98–99]. Как «*magister scholarum gramaticarum*» в Корнхилле был записан в 1419 г. Роджер Кестон, а одним из друзей и корреспондентов по переписке Сьюарда был Уильям Релик, который в 1410 г. содержал школу на Ломбард-стрит, все в том же Корнхилле. Известно, что Релик и Сьюард устраивали дружеские соревнования на предмет сочинения и чтения латинских стихотворений и собрали вокруг себя группу учителей-единомышленников, которых восхищало латинское остроумие [22, р. 89–91, 104].

В 1441 г. Джон Карпентер, оксфордский доктор теологии и ректор Ориел-колледжа и в то же время настоятель госпитала св. Антония в Лондоне [23, р. 360–361], разработал и успешно реализовал проект по созданию новой грамматической школы, при которой существовала и певческая школа. Предусматривалось, что 16 марок в год будут выплачиваться учителю, который до того бесплатно преподавал грамматику в госпитале и поблизости от него «всем мальчикам или другим [людям], которые хотели учиться

и стать учителями» [цит. по: 8, р. 455]. А клирик Джон Бенет получал годовое жалование в размере 8 марок и 4 ярда ткани за обучение мальчиков пению [8, р. 455]. Даже после смерти Бенета в 1458 г. репутация грамматической школы и тамошних мальчиков-певчих оставалась высокой. Отец Томаса Мора, юрист, решил именно туда отправить своего сына изучать латынь, и в школьных диспутах XVI в. мальчики из школы св. Антония «обычно представляли лучших учеников и получали призы» [24, р. 6].

Церковные власти не могли игнорировать открытие новых грамматических школ, хотя и пытались держать этот процесс под своим контролем. Так, в марте 1446 г. епископ Лондона Роберт Гилберт напомнил всем настоятелям, викариям и капелланам города, что «единственными разрешенными грамматическими школами являются школы собора св. Павла, церкви св. Мартина ле Гранда, церкви св. Марии на Холмах, госпиталя св. Антония и церкви св. Данстана на Исте» [12, р. 418]. Таким образом, список лицензированных грамматических школ к середине XV в. увеличился до 5-ти.

Однако предотвратить появление «нелицензированных» школ в столице церковные иерархи в лице архиепископа Кентерберийского, епископа Лондонского и настоятеля собора св. Павла не смогли. В 1444 г. священнослужитель Джон Стаффорд пожертвовал средства на возведение часовни госпиталя св. Варфоломея; здесь священник часовни должен был обучать мальчиков грамматике и пению и получать за это плату – 33 шиллинга 4 пенса ежегодно [20, р. 508]. Первым собственно школьным учителем при госпитале св. Варфоломея, видимо, был Джон Рейнолд, в своем завещании от февраля 1459 г. описавший себя как «magister scholarum hospitalis Sancte Crucis et Sancti Bartholomei» в Смитфилде и оставивший вдове и «внебрачного сына» Уильяма, которому отписал «восемь лучших из моих книг» («octo optimos libros meos de libris meis») [8, р. 458]. Известно, что к 1470-м гг. грамматiku в школе госпиталя св. Варфоломея преподавал Джон Баркеби, державший книжную лавку в приходе св. Гроба Господня [25, р. 52]. В приходе св. Томаса в 1452 г. дом напротив одноименного госпиталя был описан как «в последнее время занимаемый горожанином Уильямом Шиптоном и учителем грамматики» [26, р. 120]. К началу XVI в. на территории госпиталя св. Томаса была открыта грамматическая школа, спонсируемая компанией мерсеров. Как уже говорилось, в районе Корнхилла грамматические школы существовали с начала XV в., хотя и не были официально признаны.

Важную роль в развитии образования в Лондоне сыграли богатые купцы, представители городской власти. Прежде всего, обратимся к успешному проекту известного купца и финансиста, мерсера Ричарда Уайттингтона

(ум. 1423 г.), олддермена 1393–1423 гг., шерифа в 1393–1394 гг., трижды избиравшегося мэром Лондона (в 1397–1399, 1406–1407, 1419–1420 гг.) [3, р. 71]. В начале XV в. в приходе св. Михаила он основал колледж св. Духа и св. Марии и богадельню «Божий дом» для 13-ти бедняков из компании мерсеров под общим названием «Уайттингтон колледж». При этом несколько удивительно, но сам Уайттингтон не был высокообразованным человеком, интеллектуалом, в его завещании не упоминаются какие бы то ни было книги. Однозначно можно утверждать лишь то, что он умел читать и писать, был знаком с латынью (на его печати была латинская надпись) [27, р. 296].

Еще одна очень интересная, но не совсем удачная образовательная инициатива XV в. связана с именем олддермена (1444–1458 гг.) и мэра Лондона (1445 г.) Саймона Эйра, богатого торговца тканями (дрейпера) [19, р. 9], поднявшегося на торговле с итальянцами: в 1430–1440-х гг. он успешно продавал большие объемы ткани и приобретал красители и специи [13, р. 226, 292; 26, р. 41–42; 28, р. 215]. В своем завещании и дополнениях к нему Эйр упоминает «часовню и школы» в Лиденхолле, «построенные мной» [20, р. 600]. К 1458 г. он основал колледж из 5 священников, 6 клерков, 2 певчих и 3 учителей: один преподавал грамматику, другой – письмо, а третий – пение. Когда Эйр составил свое завещание (сентябрь 1458 г.), духовенство колледжа и школьные учителя уже были на месте, «находясь там и занимая указанное место в Лиденхолле» [20, р. 600]. Но, видимо, проект Эйра при его жизни не был реализован в полном объеме: он оставил 3 тыс. марок своим душеприказчикам, чтобы они проследили за созданием «часовни и трех школ» [20, р. 600]. Эйр надеялся, что колледж и школы будут находиться в ведении компании дрейперов или настоятеля монастыря св. Троицы на Олдгейте. Если бы душеприказчики Эйра преуспели, в Лондоне появилось бы учебное заведение, аналогичное любому из колледжей Оксфорда и Кембриджа. К сожалению, реализация этого плана забуксовала, и распоряжение Саймона Эйра оставалось актуальным вплоть до 1473 г., т. е. и через 15 лет после его смерти.

Надо сказать, что горожане еще долго хранили в памяти имя Саймона Эйра, а его образовательная инициатива вдохновила других лондонцев. Так, по завещанию от 17 сентября 1492 г. столичный ювелир Хью Брайс, олддермен 1476–1496 гг., шериф 1475–1476 гг., мэр 1485–1486 гг., аудитор 1481–1483 гг. [19, р. 15], распорядился, чтобы приходский священник и старосты церкви св. Марии на Ломбард-стрит «содержали образованного человека, умеющего хорошо и грамотно говорить, сведущего в ремесле и науке пения, игры на органе и в обучении детей, который будет держать школу и учить детей» [20, р. 600–601].

Для этого Брайс завещал им таверну в приходской церкви св. Марии, которая «прежде принадлежала Саймону Эйру, торговцу тканями, некогда мэру города...» [20, р. 600–601]. Конечно, школа Хью Брайса уступала замыслам Саймона Эйра, но заинтересованность этого мэра в развитии образования в городе очевидна.

Помимо различных школ, школьных учителей и их благотворителей интеллектуальную атмосферу Лондона формировали знаменитые объединения адвокатов-барристеров. «Судебные инны» (Inns of Court) – Линкольнс-инн, Грейс-инн, Миддл-Темпл, Иннер-Темпл, хотя и были отделены от города рекой Флит, предоставляли альтернативное, неклерикальное, высшее образование сыновьям лондонских горожан (а в большей степени сельским джентльменам). К «Судебным иннам» были прикреплены Inns of Chancery, в которые объединялись частные поверенные («солиситоры»). «Судебные инны» фактически дали Лондону собственный «университет».

Еще более значительными были интеллектуальное присутствие церкви в городе и влияние теологов на умы лондонцев. Можно обозначить несколько центров такого влияния. Прежде всего, это многие известные богословы, жившие в Лондоне. У епископов и архиепископов (Ламбет, Дарем, Йорк, Уинчестер), аббатов были дома в столице, где собирались ученые мужи. Настоятель собора св. Павла возглавлял теологическую школу для соборного духовенства. К 1460-м гг., по-видимому, у него появился помощник для чтения лекций. Им стал известный выпускник Оксфорда, доктор Уильям Айв, который в то время был магистром «Уайттингтон колледжа». Доктор Айв призван был читать публичные лекции в соборе св. Павла, необходимость которых возникла из-за взглядов монаха-кармелита Генри Паркера (сына лондонского меховщика), публично доказывавшего абсолютную бедность Христа. Этот диспут вылился в целую серию довольно ожесточенных проповедей, произносившихся как в соборе св. Павла, так и в монастыре кармелитов на Флит-стрит [29, р. 228–232].

У креста св. Павла на территории собора была кафедра под открытым небом, где также часто произносились проповеди. Мэр и олдермены финансировали чтение проповедей (в понедельник, вторник и среду после Пасхи) в госпитале св. Марии на Бишопсгейт. В 1440-х и 1450-х гг. для осуществления этого замысла были привлечены выпускники Оксфорда и Кембриджа, в том числе известные настоятели городских церквей Лондона – Уильям Личфилд, Джон Кут и Джилберт Уортингтон [8, р. 464–465].

Среди проповедников второй половины XV в. были также Джон Пинчбек, настоятель церкви св. Марии Абчерч, сначала картезианец, затем брат аббатства Сайон и, наконец, нищенствующий монах, Уильям Годар, монах-

францисканец, Томас Генри, монах-августинец, и Томас Эбрейл, настоятель церкви Всех Святых на Хани-лейн. Последний выступал как ярый противник Реджинальда Пекока (или Пикока; ок. 1395 – ок. 1461) – личности во многих отношениях примечательной, со славой «единственного великого английского богослова XV века» [30]. Уроженец Уэльса, он получил образование в Ориел-колледже в Оксфорде, в 1421 г. стал священником, в 1431 г. получил степень магистра в «Уайттингтон колледже» в Лондоне, где также был приходским священником королевской церкви св. Михаила. 14 июня 1444 г. Пекока рукоположили в сан епископа св. Асафа, а 23 марта 1450 г. перевели в сан епископа Чичестера. В 1454 г. Пекок, сторонник Ланкастеров, стал членом Тайного совета. В 1456 г. он присоединился к дебатам о христианской доктрине в контексте борьбы с движением лоллардов. Пекок утверждал, что Священное Писание – не единственный источник и критерий добра и зла, ставил под сомнение некоторые положения Символа веры и непогрешимость церкви, превозносил авторитет разума. Архиепископ Кентерберийский Томас Бурше поручил изучить труды Пекока, после чего был обвинен в ереси и выведен из состава Тайного совета. От мучительной смерти Пекока спасло только его публичное (у креста св. Павла, 4 декабря 1457 г.) отречение от своих взглядов. Он был вынужден оставить епископский пост в 1458 г., переведен в аббатство Торни в Кембриджшире, где прожил до самой своей смерти [30].

Главным трудом Реджинальда Пекока стал трактат «Отповедь тем, кто без меры поносит духовенство» (ок. 1455 г.). Помимо своего важного значения в истории движения лоллардов, «Отповедь» представляет интерес как образец английского языка того времени. Среди других сочинений Пекока – «Книга, или Правила христианской религии», «Донат» (или «Введение в главные истины христианской веры в форме диалога между отцом и сыном») и «Последовательности Доната» [30].

Центром не только образования, но и богословских дискуссий, по-видимому, был колледж Уайттингтона, процветавший при целой плеяде выдающихся докторов теологии. В 1490 г. магистр Эдуард Андервуд основал там братство св. Мудрости (Holy Wisdom), чтобы поощрять чтение и обсуждение лекций по теологии [8, р. 465].

Важно, что сами лондонцы проявляли заинтересованность в привлечении в город известных и высокообразованных богословов из Оксфорда и Кембриджа. Об этом свидетельствуют завещательные акты горожан XV в. Так, городской клерк и любитель книг Джон Карпентер оставил деньги для того, чтобы не имевший бенефиция оксфордский или кембриджский ученый прибыл в Лондон проповедовать в соборе св. Павла [31,

р. 129–130]. А портной Уильям Джарден завещал гостиницу «Кэтрин Уилл» в Вестминстере Королевскому колледжу Оксфорда: его духовенство должно было не только произносить зауспокойные молитвы по усопшему, но и ежегодно направлять священника с университетским образованием для чтения проповеди в Вестминстерском соборе св. Маргариты [18, р. 383].

Интеллектуальный ландшафт Лондона определялся и тем, что именно здесь сочиняли свои произведения известные авторы XIV–XV вв. Джеффри Чосер писал в Лондоне; Томас Аск, автор «Заветов любви», был секретарем мэра Джона Нортхемптона в 1370 – 1380-х гг.; Уильям Ленгленд жил в Корнхилле и путешествовал по городу, декламируя и перерабатывая свою поэму. Уже в 1400 г. появилась копия «Видения о Петре Пахаре», которая находилась во владении настоятеля лондонской церкви св. Алфеджа. С Лондоном были связаны поэт и друг Дж. Чосера Джон Гауэр и Томас Хоклев, посвятивший свои стихи в том числе лондонскому книготорговцу Томасу Марлебургу и городскому клерку Джону Карпентеру [32, р. 162–172].

Интеллектуальное пространство позднесредневекового Лондона включало в себя и такой важнейший элемент, как библиотеки, предоставлявшие горожанам возможность читать. Располагались они в первую очередь, но не исключительно, в религиозных домах. Солидные библиотеки были в соборе св. Павла и в Вестминстерском аббатстве. Имелись они во всех 6 монастырях Лондона и еще в 7 монастырях в предместьях города [33, р. 120–127, 195–197]. В начале XIV в. Эндрю Хорн, образованный городской чемберлен, мог брать книги из библиотеки клюнийского монастыря в Бермондси [8, р. 465], и вряд ли он был единственным лондонцем, который пользовался такой возможностью. Очевидно, что библиотеки были в монастыре регулярных каноников ордена св. Креста (в 1359 г. из этой библиотеки была украдена коллекция книг) и в монастыре св. Марии Грейс (бедность вынудила аббата заложить 9 томов стоимостью 44 шиллинга) [9, р. 303]. Об общественной значимости таких библиотек свидетельствует весьма существенный (в размере 400 фунтов) вклад Ричарда Уайттингтона в строительство новой библиотеки францисканцев в начале XV в. [34, р. 170].

В XV в. появились новые библиотеки, что отражало растущий спрос горожан на образование и их интерес к чтению. «Пионером» в этом благородном деле стал неоднократно упоминавшийся Джон Карпентер, душеприказчик Уайттингтона. В 1423 г., после смерти завещателя, Карпентер использовал его деньги для строительства первой «публичной библиотеки» в Гилдхолле (библиотека располагалась в специально построенном здании, где книги были прикованы цепями, но доступны для всех желающих), а собственную

частную библиотеку оставил певческой школе в колледже Гилдхолла [33, р. 126–127].

Библиотеки существовали в нескольких лондонских приходских церквях. Известно о библиотеках в приходе св. Петра в Корнхилле, где, как известно, было довольно много учителей грамматики, и в приходе св. Джеймса (среди прочих здесь имелись 2 книги, написанные на французском языке, Библия и «книга Священного Писания») [11, р. 162; 33, р. 126, 221, 224]. Горожане поддерживали эти библиотеки не только как читатели, но и как благотворители.

Во второй половине XV столетия в Лондоне было несколько крупных владельцев книг, прежде всего, это семьи Уорнеров и Фроуиков [35, р. 143–158]. Фактически можно говорить о частных библиотеках, собиравшихся и хранившихся в этих купеческих фамилиях. К сожалению, установить перечень книг из данных библиотек не представляется возможным.

Известно, что в 1403 г. в Лондоне оформилась гильдия книготорговцев, объединившая составителей текстов, иллюстраторов, переплетчиков и собственно продавцов книг. Появление единой гильдии по созданию, оформлению и реализации книг может свидетельствовать о возросшем спросе на книжную продукцию, эффективно удовлетворить который была призвана такая компания. Многие книготорговцы жили недалеко от собора Святого Павла и в Смитфилде [25, р. 49–53].

Особого внимания заслуживает вопрос о том, какие книги предпочитали читать лондонцы. Ответить на него не так просто: источники, которыми мы располагаем, не слишком информативны. В завещании Эндрю Хорна, торговца рыбой и «выдающегося юриста» (считается автором «Зеркала судей». – Л. Ч.), составленном им 9 октября 1328 г., упоминаются «великая книга “De Gestis Anglorum” (речь идет о “Деяниях” или “Истории английских королей” Уильяма Мальмсберийского. – Л. Ч.), в которой содержится много полезных вещей, другая книга “De Veteribus Legibus Anglie” вместе с книгой “Bretoun” (возможно, это сокращенный вариант известной работы Генри Брактона. – Л. Ч.) и книгой под названием “Speculum Justiciariorum”, также книга, составленная Генри де Хантингдонским, и книга “De Statutis Anglie”, где записаны многие свободы и привилегии, касающиеся города Лондона...» [4, р. 344–345]. Торговец пряностями Уильям де Тони, олдермен, шериф, 20 июня 1349 г. завещал Псалтырь, некие другие книги и «Притчи царя Соломона» [4, р. 603]. Джон де Джизор, тоже торговец пряностями, олдермен, 7 раз избиравшийся мэром Лондона, по завещанию от 5 января 1350 г. оставил «...книгу с посланиями святых... Евангелия, а также портифорий (требник, содержащий ежедневную службу, принятую в Римской церкви. – Л. Ч.) с музыкальными нотами, которые использовал

св. Павел, и Псалтырь...» [4, р. 643–644]. В качестве получателей книг в завещаниях указывались и женщины. Так, Уильям Крессвик в завещании от 3 ноября 1405 г. оговорил, что его жена должна получить в пожизненное пользование его книгу «Легенды о святых», а затем передать ее в монастырь св. Троицы [20, р. 371]. Видимо, способности и умения женщин воспринимались как нечто само собой разумеющееся.

К. Бэррон отметила, что только в 20% лондонских завещаний XV в. упоминаются книги, и, по меньшей мере, половину из них составляли литургические или религиозные сочинения [8, р. 466]. При этом книги, заслужившие упоминания в завещаниях, очевидно, были наиболее ценными, а их стоимость сильно различалась. Среди имущества одного из торговцев скобяными изделиями обнаружили книги стоимостью до 10 фунтов («Свод канонического права» и «Роман об Александре» в стихах, хорошо и богато иллюстрированный), а также 2 Псалтыри, которые оценивались в 3 шиллинга [9, р. 283; 36, р. 11, 19]. Томас Раус, один из учеников Уайттингтона, в 1434 г. оставил своему сыну Гаю значительную коллекцию книг, в том числе «Книгу совести» (The Book of Conscience) и «Видение о Петре Пахаре» [8, р. 468].

Популярностью у лондонцев пользовались произведения Уолтера Хилтона «Лестница, или Ступени совершенства» и «Правила смешанной жизни», копии которых они заказывали [8, р. 468].

Большое значение для распространения книг и удовлетворения растущего спроса на чтение имело изобретение книгопечатания. В 1476 г. Уильям Кекстон основал первую типографию в Вестминстере; в 1478 и 1480 гг. были открыты типографии в Оксфорде, Сент-Олбансе и Лондоне. За свою жизнь Кекстон выпустил более 100 изданий под издательской маркой W. C., затем его типографию унаследовал ученик Уинкин де Уорд, продолживший дело мастера. За последнюю четверть XV столетия в английских типографиях было издано около 400 книг: «Кентерберийские рассказы» Дж. Чосера (1478 или 1484), чосеровский перевод Боэция, переводы «Метаморфоз» Овидия, компиляции из сочинений Вергилия и Боккаччо, энциклопедия «Зерцало мира» (1481) – первая иллюстрированная английская печатная книга, роман Мэлори «Смерть Артура» (1485), произведения Дж. Гауэра и Дж. Лидгейта, сочинения по истории и риторике [37, с. 113].

Важно, что книги, напечатанные Кекстоном, де Уордом и другими типографами, обосновавшимися в западных пригородах Лондона, продавались и читались обычными людьми – жителями Лондона. Широкое распространение и популярность печатных книг подтверждаются тем, что в 1480–1481 гг. в Лондон было ввезено

900 печатных книг с «разнообразными историями» и 30 комплектов очков, предположительно для дальноразорких читателей [38, р. xxxvi].

Таким образом, интеллектуальный ландшафт позднесредневекового Лондона предстает как динамичная, сложно организованная, многослойная структура, состоящая из отдельных акторов, которые объединены коммуникативными связями различной плотности и интенсивности, позволяющими им создавать и распространять знание [39, с. 22]. В городе царила атмосфера интеллектуальных поисков и заботы об образовании в его самых широких аспектах; сложились особо благоприятные условия для реализации горожанами потребностей в обучении грамоте – чтению, письму, счету не только на латыни и французском языке, но и на языке английском, который получал все более широкое распространение как средство деловой коммуникации и язык литературы.

В Лондоне появляются новые лицензированные грамматические и певческие школы, но все больше становится неофициальных школ – грамматических, певческих и элементарных (школ письма). Это соответствовало социальному запросу горожан, прежде всего богатых купцов и ремесленных мастеров, на получение светских, практикоориентированных знаний и навыков. Повсеместно появляются и учителя, лицензированные и неформальные, готовые удовлетворить растущий спрос лондонских мальчиков и девочек на получение навыков чтения, письма и счета, в том числе на английском языке. Ожидалось, что этими навыками они овладеют прежде, чем приступят к профессиональному обучению в качестве учеников в той или иной ремесленной гильдии или купеческой компании, либо приобретут их в период прохождения ученичества.

Живое участие в создании и содержании школ, материальной поддержке учителей принимали сами горожане – богатые столичные купцы, «отцы города». Также они были заинтересованы в привлечении в Лондон высокообразованных мужей – теологов, проповедников – из Оксфорда и Кембриджа, которые существенно дополняли интеллектуальное пространство города и воздействовали на умы горожан. Лондонцы реализовывали и одновременно воспитывали свои интеллектуальные запросы благодаря присутствию в городе известных авторов XIV–XV вв., которые здесь жили, сочиняли и распространяли свои произведения, а также наличию рукописей и книг в лавках книготорговцев, в разнообразных библиотеках – не только в монастырях и приходских церквях, но и в «публичных», и располагавшихся в домах преуспевающих лондонских купцов.

Видимо, во многом справедливы слова из письма (хотя и весьма лестного) Эразма Роттердамского, адресованного Джону Колету в 1506 г.: «Я могу искренне утверждать, что

ни одна страна не подарила мне стольких друзей, таких искренних, таких образованных, таких преданных, таких замечательных, таких отличающихся всеми добродетелями, как Лондон» [40, р. 412].

Список литературы

1. Сванидзе А. А. Средневековые города Западной Европы: некоторые общие проблемы // Город в средневековой цивилизации Западной Европы : в 4 т. / отв. ред. А. А. Сванидзе. Т. 1 : Феномен средневекового урбанизма. М. : Наука, 1999. С. 9–41.
2. Уваров П. Ю. Интеллектуалы и интеллектуальный труд в средневековом городе // Город в средневековой цивилизации Западной Европы : в 4 т. / отв. ред. А. А. Сванидзе. Т. 2. Жизнь города и деятельность горожан. М. : Наука, 1999. С. 221–263.
3. The Aldermen of the City of London : in 2 vols. / ed. by A. B. Beaven. London : Eden Fisher and Company, 1908. Vol. 1. 479 p.
4. Calendar of Wills proved and enrolled in the Court of Husting, London A. D. 1258 – A. D. 1688: in 2 pts. / ed. by R. R. Sharpe. London : John C. Francis, 1889. Pt. 1. 902 p.
5. Чернова Л. Н. Лондонский олдермен XIV века и его супруга: Джон и Джоан Пайел // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М. : Издательство ЛКИ, 2008. Вып. 23. С. 32–49.
6. Rickert E. Chaucer at School // *Modern Philology*. 1932. Vol. 29, № 3. P. 257–274.
7. Лештаев Д. В. Средневековый Лондон в период эпидемии чумы (1348–1351): некоторые аспекты социальной жизни // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 459–468. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-459-468>
8. Barron C. M. The Expansion of Education in Fifteenth-Century London // *Medieval London : Collected Papers of Caroline M. Barron* / ed. by M. Carlin, J. T. Rosenthal. Kalamazoo: Western Michigan University, 2017. P. 449–479.
9. Memorials of London and London life, in the XIIIth, XIVth, and XVth centuries: Being a series of extracts, local, social, and political, from the early archives of the City of London A. D. 1276–1419 / ed. by H. T. Riley. London : Longmans, Green, and Co., 1868. 800 p.
10. A Book of London English, 1384–1425 / ed. by R. W. Chambers, M. Daunt. Oxford : Clarendon Press, 1931. 395 p.
11. Thrupp S. L. The Merchant Class of Medieval London. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1962. 401 p.
12. Educational Charters and Documents 598–1909 / ed. by A. F. Leach. Cambridge : Cambridge University Press, 1911. 582 p.
13. Calendar of Plea and Memoranda Rolls preserved among the Archives of the Corporation of the City of London at the Guildhall. 1413–1437 / ed. by A. H. Thomas. Cambridge : Cambridge University Press, 1943. 424 p.
14. The Early History of the Goldsmiths' Company 1327–1509 / ed. by T. F. Reddaway, L. Walker. London : Arnold, 1975. 378 p.
15. Fitz Stephen W. Description of London // *London 1066–1914: Literary Sources and Documents* / ed. and with introductions by X. Baron : in 3 vols. Vol. 1: Medieval, Tudor, Stuart and Georgian London, 1066–1800. Mountfield : Routledge, 1997. P. 52–60.
16. Софронова Л. В., Хазина А. В. Школа св. Павла в Лондоне: ренессансная модель организации школьного дела // Вестник Мининского университета. 2017. № 4 (21). С. 7. <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2017-4-7>, EDN: YPATYN.
17. Harvey B. F. Living and Dying in England, 1100–1540: The Monastic Experience. Oxford : Clarendon Press, 1993. 291 p.
18. Rosser G. Medieval Westminster 1200–1540. Oxford : Clarendon Press, 1989. 448 p.
19. The Aldermen of the City of London : in 2 vols. / ed. by A. B. Beaven. London : Eden Fisher and Company, 1913. Vol. 2. 374 p.
20. Calendar of Wills proved and enrolled in the Court of Husting, London A. D. 1258 – A. D. 1688 : in 2 pts. / ed. by R. R. Sharpe. London : John C. Francis, 1890. Pt. 2. 996 p.
21. Rotuli Parliamentorum ut et petitiones, et placita in Parlamento : in 6 vols. / ed. by J. Strachey. London : s. n., 1771. Vol. 3. 674 p.
22. Galbraith V. H. John Seward and his Circle: Some London Scholars of the Early Fifteenth Century (Seward's will) // *Medieval and Renaissance Studies*. 1941. Vol. 1, № 3. P. 85–104.
23. Emden A. B. A Biographical Register of the University of Oxford to AD 1500 : in 3 vols. Oxford : Clarendon Press, 1957. Vol. 1. 2242 p.
24. Harpsfield N. The Life and Death of Sir Thomas More, Knight / ed. by K. Stearns, A. Taylor. Irving : CTMS Publishers at the University of Dallas, 2020. 64 p.
25. Memorials of the Book Trade in Medieval London : the archives of Old London Bridge / ed. by C. P. Christianson. Woodbridge : D. S. Brewer, 1987. 118 p.
26. Calendar of Plea and Memoranda Rolls preserved among the Archives of the Corporation of the City of London at the Guildhall, 1437–1457 / ed. by Ph. E. Jones. Cambridge : Cambridge University Press, 1954. 238 p.
27. Barron C. M. Richard Whittington: The Man Behind the Myth // *Medieval London : Collected Papers of Caroline M. Barron* / ed. by M. Carlin, J. T. Rosenthal. Kalamazoo : Western Michigan University, 2017. P. 267–333.
28. Calendars of Letter-Books of the City of London, arranged in approximate chronological order. Includes editorial introduction and indices : in 11 vols. Vol. 9. Letter-Book I: 1400–1422 / ed. by R. R. Sharpe. London : His Majesty's Stationery Office, 1909. 393 p.
29. Gregory's Chronicle: 1461–1469 // *The Historical Collections of a Citizen of London in the Fifteenth Century* / ed. by J. Gairdner. London : Camden Society, 1876. P. 210–239.

30. Pecoock, Reginald // *Encyclopædia Britannica* : in 29 vols. / ed. by H. Chisholm. 11th ed. Cambridge : Cambridge University Press, 1911. Vol. 21. P. 33.
31. *Calendar of Plea and Memoranda Rolls preserved among the Archives of the Corporation of the City of London at the Guildhall, A. D. 1458–1482* / ed. by P. E. Jones. Cambridge : Cambridge University Press, 1961. 238 p.
32. *English Court Culture in the Later Middle Ages* / ed. by V. J. Scattergood, J. W. Sherborne. London : Gerald Duckworth & Co, 1983. 220 p.
33. *Medieval libraries of Great Britain: A list of surviving books* / ed. by N. R. Ker. London : University College London, 1987. 256 p.
34. *Kingsford Ch. L. The Grey Friars of London*. Aberdeen : Aberdeen University Press, 1915. 257 p.
35. *Regionalism in Late Medieval Manuscripts and Texts: Essays Celebrating the Publication of a Linguistic Atlas of Late Mediaeval English* / ed. by F. Riddy. Cambridge : Ds Brewer, 1991. 214 p.
36. *Calendar of Select Plea and Memoranda Rolls A. D. 1381–1412* / ed. by A. H. Thomas. Cambridge : Cambridge University Press, 1932. 410 p.
37. Бовыкин Д. Ю. Повседневная жизнь Европы в XVI–XVII веках // *Всемирная история* : в 6 т. / гл. ред. А. О. Чубарьян. Т. 3: Мир в раннее Новое время / отв. ред. В. А. Ведюшкин, М. А. Юсим. М. : Наука, 2013. С. 103–116.
38. *The Overseas Trade of London : Exchequer Customs Accounts 1480–1481* / ed. by H. S. Cobb. London : London Record Society, 1990. 267 p.
39. Василькова В. В., Басов Н. В. Интеллектуальный ландшафт: концептуализация метафоры // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2011. Т. 14, № 3. С. 22–40.
40. *The epistles of Erasmus, from his earliest letters to his fifty-first year, arranged in order of time: English translations from the early correspondence, with a commentary confirming the chronological arrangement, and supplying further biographical matter* : in 3 vols. / ed. by F. M. Nichols. London : Longmans, 1901. Vol. 1. 644 p.

Поступила в редакцию 07.05.2024; одобрена после рецензирования 20.05.2024; принята к публикации 28.06.2024
The article was submitted 07.05.2024; approved after reviewing 20.05.2024; accepted for publication 28.06.2024